

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МОДЕЛЬ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В. В. Зинченко

*Национальный Центр международных исследований,
Украинский гуманитарный институт (Киев)*

Поступила в редакцию 3 октября 2011 г.

Аннотация: анализируются трансформации обществ и экономик в условиях глобализационных изменений. Исследуются институциональные процессы интеграции и регионализации в современных индустриальных системах с использованием концепций «восстановительной экономики» и «Среднего Пути».

Ключевые слова: глобализация, общественная трансформация, интеграция, регионализация, мировая экономика, социальные институты, восстановительное развитие.

Abstract: the transformation of societies and economies in a globalizing changes is analyzed. We investigate the institutional processes of integration and regionalization in the modern industrial systems using the concepts of «restorative economy» and «Middle Way».

Key words: globalization, public transformation, integration, regionalization, the world economy, social institutes, restorative development.

Последние десятилетия наблюдался рост интеграционных процессов в мире, развитие тенденций к совместному решению странами своих хозяйственных и социальных задач. Реальность заключается в том, что глобализация представляет собой объективное и абсолютно неотвратимое явление современности, которое можно замедлить средствами экономической политики (что и происходит в ряде случаев), но нельзя остановить или «отменить», поскольку это императивное требование современного общества и научно-технического прогресса. Сегодняшнему миру присуща значительная степень интегрированности и интернационализации. Национальные экономики постепенно становятся все более интегрированными. Состоялось своего рода «сжатие» мирового пространства, которое требует новых форм взаимоотношений [1, р. 27]. Проблема не в самом явлении глобализации, а в способности правительств многих стран приспособить свою политику к изменяющимся условиям. Что же касается вопросов ведения хозяйства (экономическая, социально-экономическая сфера), то эти страны принимают все основные правила игры, присущие современному мировому рыночному хозяйству. Будучи одновременно самобытными, уникальными государствами, хозяйничая, исходя из своих принципов, традиций, потребностей, особенностей, все они, хотим мы этого или нет,

подчинены определенным унифицированным экономическим принципам и принципам так называемой глобализации [2, s. 73], более того, финансовой интеграции, явно или часто не явно выраженной. Интернациональная природа денег, независимо от конвертируемости валюты, позволяет такую высшую форму экономической интеграции, как финансовая.

Растущее переплетение экономик, интернационализация финансовых рынков и современный этап развития способствуют процессу мировой и, частности, экономической глобализации. Согласно анализу И. Валлерстайна, на основе наднационального, глобального разделения труда в экономических центрах постепенно развились национальные индустриальные системы, в которых существует тесная взаимосвязь между экономикой и политикой. Несмотря на многочисленные дискуссии о «новой» глобальной экономике, нынешняя экономическая глобализация не является беспрецедентной, поскольку еще за 50 лет до Первой мировой войны наблюдались большие межгосударственные потоки товаров, капитала, миграция людей. Сейчас наблюдается так называемая *последовательная форма глобализации*, развивающаяся в условиях единого рыночного характера мирового хозяйства. Это объективный процесс, который является важным признаком *постиндустриальной цивилизации*.

Человечество прошло *внутригосударственный/микро-*(в рамках империи), *межгосудар-*

ственный/мезо-(колонии-метрополии) и дошло до *межрегионального/макроуровня-*(промышленно развитые государства-регионы как укрупненные интеграционные и интегративные объединения: ЕС, АТЭС, ПСА, СНГ, ЧЭС и др.), но есть еще высший, так называемый «*макро с макро*» – *мегауровень*.

Однако существует и другой подход, по которому генезис глобализации связывается с последней четвертью XX в., когда наиболее интенсивно развивались процессы интеграции, специализации, кооперации; выходят на арену общепланетарные (глобальные) проблемы, новые технологии, расширяется мировое финансовое пространство и пр. Основными параметрами современной глобализации определяются: экономическая взаимозависимость – усиление открытости национальных рынков, углубление международного разделения и кооперации труда; информационная глобализация, взаимозависимость, которая связана с проблемами общепланетарной безопасности – экология, ядерная энергетика, ядерное оружие и т.д. Однако интересна не только констатация данного факта в истории развития цивилизации, а выяснение его сущности, условий возникновения, форм и механизмов функционирования, роли и влияния на современный миропорядок [3, р. 4]. Сама идея уже современной формы глобализации – постепенное стирание экономических границ между странами, в результате которого мировая экономика наконец уподобилась бы экономике единого государства – возникла последние три десятилетия назад.

В течение десятилетий в мировой экономической среде проходили значительные изменения. В 1950-х г. промышленные корпорации были заняты проблемой воссоздания внутренних рынков. В 1960-х г. фирмы, задействованные в сфере производства и торговли, стали расширяться под влиянием быстро растущей международной торговли и зарубежных рынков. Британский журнал «The Economist» отмечает, что в 60-х гг. XX в. каждая крупная американская фирма говорила о том, что она «многонациональная» [4]. В 1970-х гг. предприятия различных форм организации бизнеса стали многонациональными, вкладывая средства в производственные мощности и постоянно действующие в международном пространстве на распределительных центрах. Мультинациональная или многонациональная по структуре собственности и капитала компания переходит в новый тип наднационального или транснационального субъекта. Быстрый рост мировой торговли и междуна-

родных потоков капитала, начиная с 1980-х гг. стал причиной того, что многие крупные финансовые структуры, а также фирмы, занятые в производстве и торговле, стали связывать перспективы своего развития с расширением до мирового масштаба. Как отмечает журнал «The Economist», «...в восьмидесятых годах «глобализация» стала распространенным научным выражением, на этом базировались тысячи различных стратегий» [4]. «Глобальные стратегии ради прибыли» – таким был типичный лозунг того периода. В основе этой глобализации бизнеса и финансов находилось достижение технического прогресса, сокращение объемов вмешательства государства в экономику и финансы в промышленно развитых странах; рост международных потоков капитала.

Как и любое новое явление, глобализация имеет как своих сторонников, которые рассматривают ее как благо, поскольку она способна, по их мнению, резко повысить производительность и уровень жизни во всем мире, это возможно потому, что глобальная интеграция экономики может привести к лучшему разделению труда, позволяя странам с низкой заработной платой специализироваться на трудоемких операциях, а странам с высоким уровнем заработной платы – использовать рабочих более продуктивно (это позволяет фирмам достичь большей экономии, обусловленной ростом масштаба производства); глобализация позволяет перемещать капитал в любую страну, которая предлагает более выгодные условия для инвестиций, и не попасть в ловушку низкой доходности местных финансовых проектов; так и своих критиков, которые придерживаются более пессимистичной точки зрения. Они (критики), говорят, что растущая конкуренция со стороны развивающихся стран с низким уровнем заработной платы сократит количество рабочих мест и снизит заработную плату в богатых странах, а также предвидится так называемая «гонка вниз», когда страны снижают заработную плату, налоги, пособия по социальному обеспечению и ослабляют контроль за состоянием окружающей среды, чтобы стать «конкурентоспособными» [5, s. 203]. Конкурентное давление к тому же подрывает возможности государств в проведении собственной экономической политики. Структура, практика и логика современной глобальной экономики, основанной на новейших информационных и телекоммуникационных технологиях, привела к новому международному разделению труда, которое способствует не только изменению баланса экономической власти между ведущими про-

мышленно развитыми странами, но и развитию тенденции по созданию экономической многополярности.

К числу критических факторов глобального развития относятся также и подъем *новых индустриальных стран* (НИС) как равноценных конкурентов промышленно развитым странам в производстве высокотехнологичной продукции и новая глобальная информационно-ориентированная экономика, предпочитающая осуществление технологических рывков в развитии за счет внедрения ноу-хау в противовес предварительно господствующей мысли о получении краткосрочных преимуществ от использования дешевой рабочей силы и сырья в странах третьего мира. Критики также обеспокоены растущим влиянием финансовых рынков, способных вызвать экономический хаос, утверждая, что доминирующая концепция глобализации ошибочна, так как действительно новые оригинальные феномены в экономике не вкладываются в строгое понятие единопланетарности [6, p. 19]. Больше подходил бы термин «запутанный порядок», но отсутствие «нового Кейнса», который описал бы в строгих категориях закономерности такого порядка, идущего на смену послевоенной модели мировой экономики, заставляет пока пользоваться приблизительной «глобалистской» терминологией.

Современное общество, прежде всего западное, хотя это относится и ко многим другим социумам, более похоже на общество в изображении Г. Зиммеля: социальные институты – нации, хозяйства, не являются столь важными, насколько важны первичные социальные связи, сети и матрицы этих связей. **Происходит колоссальная фрагментация социально-экономического субъекта.** И выражается это в совершенно явных формах бегства от институтов. Это процесс глобальный и в пределах западного мира он не связан с качеством самих институтов, он связан с изменениями, происходящими в сугубо человеческой, личностной сфере общественной деятельности. Важнейшее измерение в этих глобальных изменениях – *социально-антропологическое*. Наиболее общая их характеристика – *индивидуализация*. Причем наряду с индивидуализацией, отделением индивида от социальных групп, происходит обеднение самих этих социальных групп, формирование их не по принципу заданности социальным статусом, происхождением, а по принципу добровольности, ассоциативности [7, s. 57].

Все процессы, проходящие в мире, приобретают в той или иной степени глобальный характер.

Но существующие тенденции воплощаются в реальность гораздо быстрее, чем их успевают осознать как идеологи, так и критики неолиберальной глобализации. А процессы, которые еще несколько лет назад казались невозможными, приобретают все больший размах. «Становится реальностью практически повсеместный отказ от интеграции мировой экономики», – пишет журнал «Экономист». И хотя в данной статье говорится о том, что корпорации продолжают верить в эффективность глобальной сети поставщиков, автор добавляет: «Как и в любой цепи, ее сила определяется самым слабым звеном. По-настоящему опасная ситуация наступит тогда, когда компании решат, что подобная система поставок уже отжила свое» [1]. Так называемая **«деглобализация»** рассматривается данным журналом, который является символом идеологии свободного рынка, как негативный процесс. Хотя многие авторитетные мировые специалисты (в частности, лауреаты Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц и Пол Кругман, профессор социологии Филиппинского университета Уолден Белло и др.) считают, что деглобализация предоставляет нам значительные возможности. Они видят в деглобализации всеобъемлющую систему, которая должна заменить *неолиберальную глобализацию*. Как раз тогда, когда стало болезненно очевидно, что процессы глобализации усиливают социальную напряженность, деформируют национальную экономику и порождают новые противоречия. Система деглобализации, изначально разработанная для развивающихся стран, может оказаться важной и для ведущих государств капиталистического мира. «Идеи, тяга к познанию, искусство, гостеприимство, любовь к путешествиям, – все это явления, которые по самой своей природе являются интернациональными. Мы не желаем оказаться брошенными на произвол мировых сил, которые производят либо пытаются выработать некую однотипную систему, основанную на принципах свободного капиталистического рынка» [3, s. 34].

Цель деглобализации заключается в том, чтобы выйти за узкие рамки концепции экономической эффективности, в которой главной мотивацией является снижение себестоимости, независимо от того, какие социальные и экологические бедствия могут стать результатом этого процесса. Концепция деглобализации также основывается на том, что социально-экономические модели, претендующие на всеобщий характер, которые предлагает неолиберализм или централизованный бюрократиче-

ский «социализм», не могут нормально функционировать и не в состоянии обеспечить стабильное общественное развитие. Социально-экономическое разнообразие, подобное тому, которое существует в природе, должно восприниматься как нормальное явление, которое следует всемерно поддерживать. Существуют общие закономерности социального и экономического развития. Они были сформулированы, главным образом, в борьбе против неоллиберального гегемонизма и централизованного социализма и критическом анализе причин неоллиберального социально-экономического краха. Однако как эти закономерности водлощаются и формулируются в каждом конкретном случае, зависит от ценностей, жизненных темпов и стратегического выбора того или иного общества.

Неэффективность, а зачастую и вредность для человечества и окружающей среды современных экономических подходов заставляет все чаще прибегать к поискам разумных альтернатив. Они есть, но ими не пользуются – прежде всего потому, что о них мало знают. Одна из таких альтернатив – модель «восстановительной экономики» (или так называемая «буддистская экономика») Эрнста Шумахера, который доказал принципиальную «невыгодность» неконтролируемого масштабного индустриального производства еще в 50-х гг. XX в. Шумахер опубликовал свой основной труд «Small is Beautiful: A Study of Economics as if People Mattered» («Красота малого: исследования экономики и ее значение для человека») в 1973 г. Работая экономическим советником премьер-министра Бирмы, Шумахер познакомился с буддизмом и попытался применить ценности и мировоззрение этой религии для создания модели экономики, способной на длительное стабильное развитие. Результаты своих исследований он изложил в эссе «Буддистская экономика» и нескольких других работах. Последователи и разработчики современных идей данного направления объединены, в частности в научно-исследовательскую и опытно-прикладную организацию «Общество Шумахера» (The EF Schumacher Society) и существующий при нем «Новый экономический институт» (New Economics Institute), целью которых является достижение экономически и экологически устойчивого общества.

Идеи и прикладные модели представителей этого направления (в частности, С. Валлиса, А. Зайонц, Г. Уотсон и пр. [5; 6; 8]) с успехом применяются в странах разного типа и начали активно исследоваться в международных институтах и ООН

для выработки новой эффективной стратегии мирового развития. «Японское экономическое чудо» также прямо или косвенно впитало в себя идеи буддийской экономики, которая явно или неявно повлияла и усовершенствовала японскую трудовую этику, трудолюбие и методы управления. На японскую этику лояльности, занятости в течение всей жизни, совместного принятия решений, мозговой атаки, «Кола проверки качества» (QCC), «Полного качественного управления» (TQM), медитацию, постоянный самоконтроль и самосовершенствование безусловно повлияли дзэн-буддизм, философия Мадхьямика, буддийская философия взаимозависимого возникновения и идентичности (Hua Yen), элементы даосизма и конфуцианства [9]. Шиничи Иноу (Shinichi Inoue) – один из тех оригинальных и уважаемых экономистов мира, которые пытаются объединить идеи буддийской философии с современной экономикой и управлением на успешном опыте Японии. Экономическую модель он сформировал в своей концепции «Буддийской экономики Японии». Его буддийская экономическая философия повлияла на японских экономистов, промышленников, предпринимателей, бизнесменов и корпоративных лидеров. Иноу работал в Токийском Банке, с 1975 он назначен президентом Банка «Миядзаки». Он глава «Фонда проповеди буддизма» и член Буддийского экономического научно-исследовательского института при Университете «Komazawa». Ш. Иноу развивает буддийскую идею «зависимого возникновения» (пали: *paticcasamuppada*; санскрит: *pratityasamutpada*) в терминах взаимосвязи людей, экономики и культуры. С этой идеей «Правильного Видения» (*sammaditthi*) он написал книгу по буддийской экономике под названием «Буддизм в работе: Новый подход к управлению и бизнесу» [5]. Ш. Иноу также выдвинул теорию «Срединного Пути» буддийской экономики как «идеальной возможности» между капитализмом и социализмом. Капитализм подчеркивает уважение к основным правам человека и частную собственность, тогда как социализм отстаивает равное распределение богатства. Сила капитализма – в свободном рынке и соревновании, которые дают реализовать потенциальную возможность предпринимателей. Его явный недостаток и дефект – эксплуатация «сильными и жадными» слабых для личного финансового и материального дохода. Преимущество социализма состоит в том, что правительство или государство контролирует и регулирует социальную защиту, распределение богатства. Чрезмерное налогообложение способ-

ных предпринимателей и старательных работников в пользу ленивых препятствует индивидуальным инициативам и усердию. Это ограничивает развитие человеческого потенциала. Экономическая буддийская модель Ш. Иноу стремится преодолеть эти крайности. Согласно Ш. Иноу, высокая польза стратегии развития экономики – это практика Среднего Пути, в которой идеи капитализма и социализма объединены. Такая экономическая модель известна под названием «буддийской смешанной экономики». Например, стратегия малайзийского правительства «Взгляд-на-Восток» заимствовала многие методы управления в японской буддийской экономической модели, идеи трудовой культуры Кореи и Японии, успешно развивая смешанную экономику, подняв экономическую конкурентоспособность Малайзии и обеспечив ее экономический рост в многонациональной и поликонфессиональной стране в условиях рисков фундаментализма, национализма и глобализации [9, р. 46]. Китай также динамично развивает данную смешанную экономику и уже зарекомендовал себя как один из мировых экономических сверхдержав. Средний Путь буддийской экономики гарантирует жизнеспособное развитие, не повреждая и не истощая окружающую среду, не причиняя вреда человеческим ресурсам. То есть механизм свободного рынка, конкуренция должны развиваться, не разрушая ни природы, ни человеческого общества. **«Жизнеспособная экономика»** должна быть справедливой и экологически безопасной. Буддизм, экономика и экология взаимосвязаны и взаимозависимы. Ш. Иноу определяет буддийскую экономику в терминах трех моделей, которые универсально приемлемы, поскольку они общие для всего мира и безвредны для окружающей среды: 1) это экономическая система, которая приносит пользу всем; 2) она защищает универсальные ценности терпимости и мира; 3) сберегательная экономическая модель спасет землю от истощения и разрушения природных ресурсов [5, р. 109].

Традиционная «западная» экономика оперирует в основном товарами и деньгами, но мало интересуется окружающим миром, человеком и уровнем восстанавливаемости ресурсов. Цель типичного традиционного «западного» экономиста – получить максимум денег, сделав минимальные инвестиции. Традиционный экономист разрабатывает планы и прогнозы на период проекта, правительственной каденции или на время пребывания у власти определенной политической силы. Его не интересует длительное развитие, при котором все

участники экономических отношений получают выгоду и удовлетворение потребностей. Экономика существует не сама по себе, а является производным от определения цели и смысла жизни, независимо от того, знает об этом конкретный экономист, или нет. С точки зрения современной западной экономической мысли привычнее измерять уровень жизни количеством потребленных за год товаров и услуг, считая, что человек, который потребляет больше, живет лучше, чем тот, кто потребляет меньше. Кроме того, современная экономическая западная наука в основном рассматривает потребление как единственную цель экономической активности, где средствами служат факторы производства: земля, труд и капитал.

Для «буддистской экономики» такой подход неразумен: ведь потребление – это лишь средство, а не цель, так что максимальное благополучие при минимальном потреблении и является реальным показателем лучшей жизни. Потребление товаров и владение ими – это лишь средства для *оптимального развития*. Буддистская экономика исследует то, как достичь целей, обладая минимальными средствами. Таким образом, буддистская экономика – это максимальное удовлетворение потребностей через оптимальное потребление, в то время как «западный» экономический подход сориентирован на максимальное потребление с помощью оптимального производства. Очевидно, что следует приложить гораздо больше усилий для бесконечной гонки за максимальным потреблением, чем для поддержания нацеленного на оптимальное не максимальное потребление.

С точки зрения буддизма, наиболее рациональная форма производства – это производство из местных ресурсов для удовлетворения местных потребностей. Цель – самообеспечение, а не производство избытка. «Экономический прогресс» необходим лишь для достижения самообеспечения. Развиваясь сверх этого, он приносит разрушение. Шумахер напоминает, что назначение экономики – служить потребностям людей. Но в «реальной» экономике все наоборот – люди существуют для служения экономике. Производство товаров считается важнее, нежели люди, которые эти товары потребляют. Считается, что человек, который больше потребляет, имеет высший «стандарт жизни», чем тот, который потребляет меньше. Для «буддистского» экономиста такой подход, мягко говоря, «нерациональный»: потребление и потребительство – лишь формы человеческой деятельности (притом далеко не самые важные по сравнению с

самореализацией, счастьем, здоровьем и бескорыстным служением другим). С точки зрения буддизма, рациональная цель звучала бы как «достижение максимального благосостояния при условии минимального потребления». Вместо наращивания потребления Шумахер предлагает идею «полноты». По его мнению, потребление не нужно стимулировать – наоборот, существующие потребности необходимо удовлетворить, а новым людям навязывать не следует.

Для «западной» экономики целью экономической активности является потребление. Ресурсами для достижения этой цели являются земля, труд и капитал. Таким образом, буддистская экономика пытается максимально удовлетворять потребности путем оптимизации потребления, «западная» – ориентируется на максимальное потребление с помощью оптимизации производства. Погоня за максимальным потреблением требует огромных усилий и ресурсов. Поддержание образа жизни, направленного на оптимальное потребление, требует меньших затрат. Шумахер указывает, что средний американец живет в значительно большем стрессе, чем средний бирманец.

В целом, «буддистская экономика», основанная на принципе «местное производство – местное потребление», идеальна для небольших замкнутых локальных сообществ. Такая экономика экономит на транспортных расходах, а кроме того, дает возможность постоянной занятости, личную заинтересованность всех участников производства в качестве конечного продукта, неуязвимость для изменений в глобальной конъюнктуре, стабильный рост, и в итоге ведет к относительной локальной самодостаточности. Люди, проживающие в небольших общинах с высоким уровнем самообеспечения, менее склонны к насилию. В крупных городах психологическое состояние и экономический статус людей зависят от резких изменений глобализированной экономики; часто находясь в стрессе, жители мегаполисов более подвержены дать выход агрессии.

С точки зрения буддистской экономики транспортировка больших объемов ресурсов для удовлетворения местных нужд – признак не благополучия экономики, а ее неэффективности. Традиционная экономика видит картину иначе. Увеличение объема товароперевозок часто считают показателем экономического прогресса, а не ухудшения структуры потребления. Оценивать товар выше человека, а потребление выше творчества – значит исказить реальность наизнанку. Так Шу-

махер интерпретирует буддистскую точку зрения. Ведь в таком случае вторичное – продукт труда человека – ценится выше первичного, самого производителя.

Цивилизация или сообщество, живущее преимущественно за счет возобновляемых ресурсов, – более совершенно, чем то, что зависит от ресурсов невозобновляемых. Последнее ведет паразитический образ жизни, тратя на удовлетворение потребностей не доход, а капитал. Гнаться за внешним показателем вроде ВВП, согласно принципам «буддистской экономики», – глупо. Эти цифры, как правило, показывают рост «процента жиров в масле» только кучки крупных владельцев, игнорируя экономическое положение большинства населения. То же можно сказать и об идеализации показателей импорта и экспорта. Сейчас такие «заявки» уже не воспринимаются как нечто революционное, но для экономистов 1960-х они звучали полной ересью. Только после развития концепции «устойчивого развития» (*sustainable development*) идеи Шумахера стали восприниматься как разумные (разве только немного странные). Ученый показывает, как отличаются западный и буддистский подходы к труду. Западный «материалистический» подход к работе предполагает, что для работника она – почти принудительная, а для работодателя означает затраты, которых невозможно избежать, но он постарается любым способом свести их к минимуму. Зарплата считается компенсацией рабочему за потерянное время и комфорт.

С точки зрения буддизма человеческий труд преследует как минимум три цели. Прежде всего – это способ развивать свои способности. Как говорил Хайнлайн, «специализация – удел насекомых»: автоматизация труда, когда работник завода, офиса, супермаркета месяцами и годами ежедневно повторяет одинаковые монотонные действия, все больше превращаясь в зомби-робота, – неприемлема, ибо душит в человеке творческое начало. Во-вторых, работа помогает человеку преодолеть собственный эгоизм (одна из основных задач, которые буддизм ставит перед индивидом) через работу с другими над общим проектом. В-третьих, производство необходимых для достойного уровня жизни качественных товаров и услуг. Если работодатель организует труд, пренебрегая этими целями, таким образом, когда труд теряет смысл, становится скучным или раздражает работников, он совершает едва не преступление. Для буддиста работа – это не то, чего следует избегать любой ценой, а благословение – конечно, если она происхо-

дит в условиях обеспечения прав и свобод человека. Работа и труд – не только процесс производства, она еще и имеет психологическую и «духовную» значимость, как отмечает тайский ученый П. А. Пайютто (P. A. Payutto) в книге «Буддистская экономика: Средний путь для рынка» [8]. Это ясно даже для тех экономистов, которые считают, что экономический рост важнее любых ценностей.

Западный подход имеет определенные социальные последствия: пока женщины работают в офисах и на производстве, их детьми занимается кто-то другой. Для «буддистского экономиста» такое использование ресурсов столь же эффективно, как, скажем, для экономиста западного – рекрутирования в армию высококвалифицированного специалиста. Буддистская система и интересные детали – например, Шумахер отмечает важность посадки деревьев как для экономики, так и для воспитания сознания. Сажая деревья и заботясь о них, мы думаем о будущем, обеспечиваем следующие поколения возобновляемыми ресурсами, «включаемся» во взаимодействие с природой и лучше осознаем природные процессы и наше влияние на них.

В экономии ресурсов обращается внимание на борьбу со спекуляциями – в частности, спекуляциями землей, которые стали настоящей бедой всех капиталистических экономик. Шумахер предложил интересный способ решения этой проблемы. По его мнению, ни частная собственность и бесконтрольная продажа земли, ни национализация, когда землю контролирует бюрократия, не могут дать хороших результатов. В первом случае невозможно избежать спекулятивного роста цен и уничтожения мелких землевладельцев. Во втором – возникают маразмы социалистического «управления» землей, прекрасно известные всем, кто пережил «совковый» эксперимент с колхозами.

Шумахер предлагает законом устанавливать стабильную цену для каждого земельного участка (с привязкой ее к индексу инфляции). В развитых странах, где собраны «паззлы», технически это сделать совсем нетрудно. Продавец участка не может получить за нее большую цену, чем установлено. Если же в процессе купли-продажи найдется желающий заплатить большую цену, чем установлено, он платит больше. Но сумма переплаты идет не продавцу, а в специальный государственный фонд (например, благоустройство сельхозугодий, создание заповедников или озеленения городов).

Итак, подытожим – индустриальное или «постиндустриальное» общество, основанное на экстенсивном использовании невозобновляемых ресур-

сов, не может существовать бесконечно долго. Возврат к локальным экономикам, основанным на сельском хозяйстве, неизбежен. С этим трудно не согласиться теоретически, но пока ситуация не станет критической, большинство людей не воспримет этого мнения. Сейчас имплементация и развитие принципов «буддистской экономики» – дело энтузиастов-экспериментаторов в некоторых небольших коммунах и экоселениях. В 60-х гг. XX в., когда Шумахер опубликовал первые выкладки своих наработок, экономисты смеялись над его теорией. Однако через несколько десятилетий стало очевидным, что человечеству необходимо прийти к более рациональной экономике, чем сейчас. Увеличение потребления ведет, в конечном счете, в никуда. Возможно, разумнее увеличивать не потребление, а учиться достигать максимума удовольствия от минимума потребления? И принципиально производить только максимально качественные товары и услуги как на национальном, так и на региональном, континентальном и мировом уровнях.

Глобальной экономики сегодня пока не существует; просто есть хозяйственная система, в которой экономическое и социальное развитие большей части человечества жестко обусловлено прогрессом постиндустриального мира и его возможностью влиять на ход событий в других регионах планеты. Безусловно, хозяйственные и информационные связи становятся все более интенсивными и разнообразными, но их значение в рамках различных социально-экономических систем остается диаметрально противоположным. Внутри постиндустриального мира глобальные тенденции пока ведут в конечном итоге к сближению уровней развития отдельных стран и жесткому противостоянию их с остальным миром. В мировом же масштабе каждое новое проявление «глобализации» все еще становится очередной ступенькой к формированию однополярного мира, в котором глобальным значением может обладать только его центр, его постиндустриальная составляющая – архитектурная вершина мировой валютно-финансовой системы.

Принятие единых правил в сфере регулирования банковских и финансовых операций было таким же значительным фактором развития торговли, как и создание всемирной сети Интернет и внедрение международного стандарта продукции. Другое отличие связано с научно-технической революцией и становлением «информационного общества». Революция в технологических процес-

сах, в свою очередь, служит причиной значительных сдвигов в иерархии наций. Место страны в современном мире сегодня больше определяется качеством человеческого капитала, состоянием образования и степенью использования науки и техники в производстве [10, s. 21]. Богатство рабочей силы и сырьевых материалов все меньше можно расценивать как конкурентное преимущество – в соответствии с тем, как снижается доля этих факторов в создании стоимости всех продуктов. По причинам такого необратимого развития становится все более вероятным, что страны юга могут достичь успеха исключительно на основе своих полезных ископаемых и соответственно более дешевой рабочей силы. Еще одним существенным обстоятельством является то, что глобализация сегодня сопровождается регионализацией экономической деятельности, которую часто считают тормозом, сопротивлением, антагонистом глобализации, или глобализацией в ограниченных масштабах, охватывающей группу стран, образующих объединение, в которых происходит большая или меньшая либерализация торговли, движения капитала и людей в рамках соответствующей группировки. Так, в некоторых областях, и в валютной, в частности, такая региональность в форме зональности должна быть сохранена, поскольку мир не готов еще к единой (моновалютной) системе.

Неэффективность, а зачастую и вредность для человечества и окружающей среды современных экономических подходов заставляет все чаще прибегать к поискам разумных альтернатив. Однако далеко не все страны в равной степени являются интегрированными на сегодняшний день, имеют примерно одинаковый экономический уровень развития. Мир в целом скорее движется к своего рода «новому регионализму», просто один из «новых регионов» носит транснациональный характер и распространил свое влияние на всю планету. Однако этот процесс все же далеко не тождествен реальной универсализации глобальной общности [3, p. 3]. Другими словами, кроме определенных реалий глобализации, в мире сосуществуют также не менее реальные тенденции регионализации, диссоциации и даже ассоциализации. (Недаром VII Всемирный конгресс Международной ассоциации политэкономических наук, состоявшийся в августе 1997 г. в Сеуле, проходил под девизом «Не глобализация, а маргинализация – насущная проблема»). Индустриальное общество пока еще не имеет механизмов, с помощью которых можно было бы избежать скатывания к конфликтам и тоталитарным

режимам по окончании невозобновляемых ресурсов. Выживание глобализированной цивилизации представляется столь сложным, что и достижение экономической и социальной стабильности, которая бы сопровождалась уважением к человеку, его правам и свободам. Оно возможно сейчас, к сожалению, лишь в немногих социумах и в исторически очень короткие периоды. Процесс регионализации экономики, на наш взгляд, несколько замедляет процесс широкомасштабной экспансионистской и экстенсивной глобализации, но это неотъемлемая и логичная фаза глобальности именно на этом витке развития, а на следующем уже будет объединение между межрегиональными глобальными группировками. Регион является меньшей моделью мира, и именно здесь можно скорее достичь интернационализации, интеграции, либерализации, унификации, не посягая на национальную самобытность, выявить трудности, противоречия, споры, неприемлемые явления и тогда переходить к высшей ступени в глобальном мире, уже сотрудничая с укрупненными мировыми регионами-полисами. Речь идет, конечно, о коммунитарных механизмах и принципах в производственных и валютно-финансовых системах региональных группировок. Такой факт еще раз доказывает, что процесс глобализации не есть нечто авторитарное, а это историческая ступень развития цивилизации, общества – его объективная реальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Krugman P.* The Return of Depression Economics and the Crisis / P. Krugman. – New York : W. W. Norton : First Edition edition, 2009. – 224 p.
2. *Exner A.* (Hg. Ernst Lohoff). Losarbeiten Arbeitslos – Globalisierungskritik und die Krise der Arbeitsgesellschaft / A. Exner. – Münster : Unrast Verlag, 2005. – 284 s.
3. *Bello Walden.* The Virtues of Deglobalization / Bello Walden. – Washington, DC: Foreign Policy In Focus, September 3, 2009.
4. An anatomy of so-called «deglobalisation» // The Economist. Feb 19th 2009.
5. *Inoue Sh.* Putting Buddhism to Work : A New Approach to Management and Business / Sh. Inoue. – Tokyo : Kodansha International (JPN); 1st edition, 1997. – 176 p.
6. *Guruge A.* Buddhism, Economics and Science : Further Studies in Socially Engaged Humanistic Buddhism / A. Guruge. – Bloomington : AuthorHouse, 2008. – 208 p.
7. *Exner A.* Die Grenzen des Kapitalismus : wie wir am Wachstum scheitern. Christian Lauk, Konstantin Kulterer / A. Exner. – Wien : Ueberreuter, 2008. – 223 s.
8. *Payutto P. A.* Buddhist Economics : A Middle Way for the Market Place / P. A. Payutto – Badger : Torchlight Publishing, 1996. – 99 p.

9. *Sivaraksa S.* The Wisdom of Sustainability : Buddhist Economics for the 21st Century / S. Sivaraksa. – Kihei : Koa Books, 2009. – 192 p.

10. *Gorz A.* Kritik der ökonomischen Vernunft. Sinnfragen am Ende der Arbeitsgesellschaft / A. Gorz. – Hamburg : Rotbuch Verlag 2004. – 388 s.

11. *Kurz R.* Kollaps der Modernisierung : vom Zusammenbruch des Kasernensozialismus zur Krise der Weltökonomie / R. Kurz. – Frankfurt am Main : Eichborn, 2009. – 288 s.

12. *Naisbitt J.* Global Paradox / J. Naisbitt. – Avon Books, 2006. – 392 p.

13. *Schumacher E. F.* A Guide for the Perplexed / E. F. Schumacher. – New York : Harper Perennial ; Worn Condition edition, 1978. – 160 p.

14. *Schumacher E. F.* Small is beautiful : a study of economics as if people / E. F. Schumacher. – London : Vintage, 1993. – XI, 259 p.

15. *Schumacher E. F.* This I Believe, and Other Essays / E. F. Schumacher. – Hartland : Resurgence Books, an imprint of Green Books; Revised edition, 1998. – 224 p.

16. *Wallerstein I.* The Essential Wallerstein / I. Wallerstein. – New York : The New Press, 2000. – 471 p.

17. *Wallerstein I.* World-System Analysis : The Second Phases / I. Wallerstein // Review. – 1990. – Vol. 13, № 3. – P. 217–238.

Национальный Центр международных исследований, Украинский гуманитарный институт (Киев)

Зинченко В. В., доктор философских наук, кандидат экономических наук, профессор, заведующий отделом глобалистики, геоэкономики и геополитики, заведующий кафедрой менеджмента

E-mail: zinchenko.72@mail.ru

Тел.: +380-973-81-89-97; +380-957-63-35-33

National Center of International Researches, Ukrainian Institute of Arts and Sciences

Zinchenko V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economics, Professor, Head of Department of Globalistics, Geoeconomics and Geopolitics, Head of the Department of Management

E-mail: zinchenko.72@mail.ru

Tel.: +380-973-81-89-97; +380-957-63-35-33